

«Удивительно устроено русское сердце, столь велика в нём жажда встречи с родной душой, столь неистребима вера в возможность такой встречи, что готова она распахнуться бескорыстно перед каждым, довериться любому, веруя свято, что каждый и всякий сам способен на столь же беззаветную открытость. Готовое вместить в себя все души мира как родные, понять их, братски сострадать ближнему и дальнему — до всего-то есть ему дело, всему-то и каждому найдётся в нём место. И как бы ни велики или безбрежны казались обиды его или оскорбление, всегда останется в нём место для прощения, словно есть в нём некий тайный, недоступный никакому оскорблению уголок и теплится в нём свет неугасимый.

Родина свята для русского сердца, потому что Родина для него высшая и последняя правда. И потому всё можно отнять у него, всё осемять — стерпит. Но Родину отнять у русского сердца, унижить, оскорбить её так, чтобы оно застыдилось, отреклось от неё — невозможно, нет такой силы ни на земле, ни под землёй, нигде во всём белом свете. И пытаться не стоит — взбунтуется, и в этом, может быть, единственном потрясении своём не простит. Долго не простит.

И нередко не хочет даже понять оно, как это можно ещё что-то любить, кроме Родины, тосковать по чему-то такой смертной неизбывной тоской, как по родной земле. И если немец, швейцарец или тот же француз, то ли англичанин будет уверять, что он так же любит свою страну и она дорога ему, как русскому его Россия, что по его земле можно так же страстно тосковать, как по русской, — обидится даже трогательно-простодушной обидой: нельзя-де любить родину больше, чем любит её русское сердце. Но если тот же англичанин или швейцарец скажет, что можно жить, вовсе не любя родину, — тут же заслужит навечное презрение к себе русского человека. Но ежели русский скажет ему, что он не любит свою родину, — не верьте ему: он не русский.

Удивительная страна — немец или датчанин, прожив в ней лет десять-двадцать, становится нередко таким русским, что, уехав, случись, в свою Германию или Данию, всю жизнь будет тосковать по оставленной стране. Необъяснимая страна: в России не затоскуешь по Англии — разве англоман какой, да и то пока в Лондоне не бывал, — а вот о России можно затосковать, затомиться даже в самой России. Словно вдруг почудится сердцу, что та Россия, которая есть вокруг, — ещё не вся здесь, и не во всём, и не в лучшем, а та, настоящая, во всей правде, ещё впереди и всегда впереди. Ибо и тот не русский, кто не желает Родине лучшей доли. Потому-то и нет того предела, где успокоилось, остановилось бы русское сердце; потому-то и всегда оно в пути, на большой дороге к правде...»